

—

IX.

Так прошло несколько дней, в течение которых Гу Сьюань чувствовал, что Се Чэньюнь на редкость охотно идет ему навстречу.

Мало того что Се Чэньюнь каждый день наведывался во дворец Циньчжэн, чтобы составить ему компанию, пока император просматривал доклады или принимал министров; он практически не отходил от него ни на шаг — будь то трапезы, прогулки или отдых. Се Чэньюнь исполнял роль «любимой наложницы» с безупречным старанием.

Хотя порой Гу Сьюаню казалось, что речи Се Чэньюня звучат довольно странно, а взгляды, которые тот бросает на него, полны некоего тайного смысла. Однако подобные мелочи не шли ни в какое сравнение с государственными делами, а потому были не важны. Гу Сьюань не тратил время на раздумья о причинах этих странностей.

В крайнем случае, он размышлял об этом так: когда наступит день, когда все предатели будут казнены, а в Поднебесной воцарится мир, он непременно пожалует Се Чэньюню дворянский титул в награду за сегодняшние труды.

Этим вечером.

Когда Гу Сьюань закончил тренировку и вышел из бокового зала, он, как и каждый день на протяжении последних двух недель, издалека заметил знакомый силуэт.

Се Чэньюнь сегодня был облачен в халат цвета зеленого бамбука. С видом человека, находящегося у себя дома, он по-хозяйски расположился в деревянном кресле с вырезанными драконами — том самом, где император обычно занимался государственными делами. Закинув ногу на ногу, он с упоением читал какую-то книгу.

Однако стоило Гу Сьюаню раздвинуть жемчужную завесу...

Се Чэньюнь тут же отвлекся от чтения и обернулся к нему. Его лицо озарила лучезарная улыбка:

— А, ты пришел.

Хотя Гу Сьюань всегда отличался невозмутимостью и давно привык к красоте стоящего перед ним человека, в этот миг в его душе невольно расцвел цветок от этой улыбки, способной растопить любой лед.

Он кивнул и мягко спросил:

— Угу. Долго ждал?

Се Чэньюнь таинственным жестом спрятал книгу за пазуху, ловко спрыгнул с кресла и весело ответил:

— Недолго. До этого я тренировался в павильоне Цинъю.

Хотя он покинул секту Пылающего Огня, текст «Священного канона Нирваны» он знал

назубок. Изучение боевых искусств подобно плаванию против течения: не движешься вперед — тебя относит назад. Поэтому расслабляться нельзя было ни на миг.

Гу Сьюань остался еще более доволен: «И впрямь, мой выбор был верен — между нами царит полное единодушие».

Они плечом к плечу подошли к длинному столу, где Ван Тань и слуги уже расставили блюда. Вечером не следовало злоупотреблять тяжелой и соленой пищей, поэтому ужин состоял в основном из блюд хуайянской кухни: тушеные мясные шарики «львиные головы», нежный суп из тофу, креветки с чаем Лунцзин, вешенки с рапсом и прочее.

Особенно изысканно был приготовлен суп из тофу. За основу взяли нежнейший тофу, заквашенный на особом рассоле, добавили соломку из побегов бамбука, выросшего на юге Янцзы, а для насыщенного вкуса — ветчину Цзиньхуа многолетней ферментации. Всё это сдобрили свежими грибами сянгун и кинзой. Вкус получился невероятно ярким.

Се Чэньюню это блюдо пришлось по душе, и он зачерпнул себе несколько ложек подряд, но ему всё казалось мало. Заметив это, Гу Сьюань велел слугам переставить всю супницу прямо к нему.

Се Чэньюнь не удивился — лишь поднял голову и одарил его кроткой улыбкой. Гу Сьюань не придал этому значения. Сам он не был требователен к еде и одежде, и если те подношения, что присылали во дворец, нравились Се Чэньюню, император был готов проявлять безграничную щедрость. В конце концов, Се Чэньюнь был его партнером по делу, причем в значительной степени бескорыстным, так что компенсировать его труды в других областях было его прямой обязанностью.

Се Чэньюнь попробовал ложку супа. Неизвестно, было ли это самовнушением, но ему показалось, что суп стал еще вкуснее, чем мгновение назад. Уголки его губ слегка приподнялись.

Слуги, стоявшие рядом, на мгновение замерли, невольно залюбовавшись этой красотой. Однако Гу Сьюань, сидевший напротив, по-прежнему сохранял прямую осанку и бесстрастное выражение лица, сосредоточенно приступая к трапезе.

«Хм! Притворщик», — подумал Се Чэньюнь. «То возбуждение, с которым ты просыпаешься каждое утро — оно-то не поддельное».

Он надул губы, втайне ворча про себя. Вдруг его глаза озорно блеснули — в голову пришла блестящая идея. Он зачерпнул ложку супа из тофу, слегка кашлянул и позвал:

— Ваше Величество!

Гу Сьюань, как и ожидалось, поднял голову. Глаза Се Чэньюня вспыхнули; его рука, державшая ложку, уверенным и быстрым движением рванулась вперед, приставив её прямо к губам императора. При этом он издал победное: «А-а...», будто уговаривал младенца.

— ... — Гу Сьюань.

Разумеется, Гу Сьюань не мог, как обычный человек, подсознательно ответить «А-а» в ответ. Вместо этого он озадаченно посмотрел на Се Чэньюня. Что это он затеял?

Се Чэньюнь продолжал держать руку на весу, с еще большим азартом приговаривая:

— А-а... Открой рот, это очень вкусно.

Он растягивал слова, и хотя это должно было звучать как уговоры, больше походило на кокетство.

Гу Сьюань пристально посмотрел на него, его губы шевельнулись, и наконец он обхватил ложку, медленно всасывая суп. Он кивнул:

— Угу. Вкус действительно неплох, очень изысканно.

Улыбка на лице Се Чэньюня стала еще шире. Затем он убрал ложку, снова зачерпнул супа, но на этот раз поднес его к своим губам. Кончик его алого языка высунулся и нежно коснулся тофу. Се Чэньюнь игриво вскинул бровь, глядя на Гу Сьюаня:

— Вкус просто божественный.

Гу Сьюань нахмурился. Но вскоре его лицо снова расслабилось.

«Тц, в возрасте Се Чэньюня в современном мире он был бы всего лишь первокурсником. Озорство для них — обычное дело, стоит ли мне принимать это всерьез?»

Подумав так, он сам взял палочки, подцепил очищенную креветку и протянул её партнеру:

— Она очень нежная, попробуй.

Се Чэньюнь в один миг сцапал креветку губами, а его глаза засияли, как звезды.

«Верно! Значит, мне и впрямь нужно брать инициативу на себя».

Стоило ему проявить лишь тень согласия, как этот деспот тут же, задрвав хвост, последовал за ним, забыв о всякой сдержанности и колебаниях.

Стоявший в стороне Ван Тань лишь неодобрительно причмокивал губами. Неужели во дворце не хватает ложек или палочек? К чему эти нежности с использованием одних на двоих?

Размышляя об этом, он преисполнился сочувствия к красавице Се. Сейчас-то видно, что наложница Се по уши влюблена в императора, но как же она вынесет правду, когда она откроется? Ведь в сердце государя — лишь та таинственная госпожа да «драконий плод». А ты — лишь инструмент, подмена!

Впрочем, Гу Сьюань и Се Чэньюнь, погруженные каждый в свои мысли, совершенно не замечали ни брезгливости, ни мысленных наставлений Ван Таня.

В последующее время они наперебой кормили друг друга, из-за чего обычный ужин затянулся вдвое дольше обычного. В итоге каждый остался при своем: Се Чэньюнь считал, что добился своего, а Гу Сьюань, как всегда, не придавал этому особого значения.

После ужина они вдвоем отправились к павильону Цинъю. В древности ночных развлечений было немного, так что они, по обыкновению, поднялись на верхний ярус павильона и неспешно прогуливались, беседуя под луной.

Когда Гу Сьюань вскользь поинтересовался, что за книгу Се Чэньюнь так увлеченно читал в кабинете, тот вдруг начал подозрительно уходить от ответа. Гу Сьюань не отличался чрезмерным любопытством и никогда не принуждал других, поэтому не стал настаивать.

Как раз к тому времени прогулка помогла пище усвоиться, и они разошлись по ванным комнатам. После водных процедур настало время сна.

За те полмесяца, что Се Чэньюнь провел во дворце, они всегда делили одно ложе. Гу Сыюань уже привык к тому, что каждое утро обнаруживает в своих объятиях человека, и это перестало казаться ему странным. Более того, засыпая, он начал ощущать некий дискомфорт, если рядом не было этой привычной тяжести.

«Время обладает великой силой», — только и мог он констатировать.

Пока он размышлял, зазвенела жемчужная завеса, и вошел Се Чэньюнь. Одежда для сна обычно была легкой и мягкой, но сегодня Се Чэньюнь выглядел чересчур «налегке».

Черный цвет обычно скрывает фигуру, но тонкое, почти прозрачное черное одеяние на Се Чэньюне лишь подчеркивало белизну его кожи, придавая ей какое-то туманное сияние. Самое главное — на нем была лишь эта черная рубаха без единой застёжки, лишь небрежно подпоясанная на талии. При каждом шаге его стройные, белоснежные голени так и мелькали перед глазами, тревожа сердце.

Сначала Гу Сыюань в очередной раз восхитился: «Красота Чэньюня и впрямь неземная!» А затем слегка озадачился: «Разве во дворце выдают черное нижнее белье? Истинно, писк моды».

У Гу Сыюаня не было привычки читать нравоучения и указывать взрослым людям, в чем им спать. Когда Се Чэньюнь с улыбкой не спеша пробрался мимо него и улегся у стены, император просто взял одеяло и заботливо укутал его по самые плечи, наказав:

— Не простудись.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь был в полном замешательстве. Со стороны могло показаться, что перед ним не самый любвеобильный тиран в истории, а какой-то величайший герой-аскет, способный противостоять любому искушению. Видимо, он вел себя слишком скромно. Этот деспот так боится испортить впечатление о себе, что боится даже на шаг подойти к заветной черте. Неужели придется брать его силой?

В этот момент...

БАХ! Со стороны дверей раздался оглушительный грохот.

Ярко-красные створки распахнулись, и в спальню, буквально соскочив с коня, ворвался человек:

— Срочное донесение! Срочное донесение! Ваше Величество, срочные вести!

Громкий крик разорвал тишину глубокой осенней ночи. Се Чэньюнь вздрогнул от неожиданности и, лишившись опоры, бессильно повалился прямо на Гу Сыюаня.

В это время гонец уже подлетел к императору и рухнул на колени так, что был слышен отчетливый стук костей о пол. Он прокричал:

— Срочное донесение! Ваше Величество, вести из земель Цзин! Губернатор Юэчжоу совместно

с местным кланом У подняли мятеж! Они ведут войска на север и уже захватили Чунъян, Сяньнин, Силин и Эчжоу! Мятежники стоят на берегу против Хуанчжоу, город в великой опасности!

Гу Сьюань мгновенно вскочил с кровати, ступив босыми ногами на ледяной каменный пол. Се Чэньюнь качнулся в его руках, легкий как пушинка, но почувствовал, как крепко сжались пальцы императора на его запястье.

Осенний ветер пронесся по безмолвному залу, принося с собой гробовое молчание. Взгляд Гу Сьюаня был направлен в пустоту ночного двора, а голос стал холодным как лед:

— Немедленно призвать герцога Суна, канцлера Лу, Вэй Чжэнпина и прочих министров в зал Циньчжэн для военного совета.

Сказав это, он сорвал с вешалки верхнее платье, обулся и размашистыми шагами вышел из покоев. Когда он ушел, Се Чэньюнь тоже немедленно поднялся, переоделся в подходящее платье и поспешил к залу Циньчжэн.

Он прибыл как раз в тот момент, когда атмосфера внутри достигла высшей точки напряжения.

Несколько ярко-желтых дворцовых фонарей освещали зал Циньчжэн, делая его светлым как днем.

Гу Сьюань восседал на возвышении; его лицо было суровым и бесстрастным, а взгляд медленно сканировал лица присутствующих. Из-за известий о мятеже герцог Сун и Вэй Чжэнпин сошлись в яростной словесной схватке.

— Генерал Вэй, великий вы наш полководец! Я еще давно получил донесения от разведки, подтверждающие, что клан У ведет себя крайне беспокойно и постоянно что-то замышляет. Но это ведь вы клятвенно ручались за них? Вы настаивали, что не стоит поднимать шум, и говорили, что достаточно отправить инспектора в Юэчжоу. И что теперь? Клан У восстал, захвачено пять городов! А где ваш инспектор? Неужели он не прислал ни единой весточки? Своими действиями вы подставили под удар и Его Величество, и народ. Какое наказание вы заслуживаете за это?

Выслушав это, Вэй Чжэнпин лишь отвесил поклон Гу Сьюаню, вполголоса признав формальную вину. Однако тут же развернулся к герцогу Суну и с издевкой ответил:

— Господин герцог, не стоит так говорить. Те сведения, что присылали ваши ищейки, изначально были туманными и двусмысленными, иначе с чего бы в совете возникли споры? Юэчжоу — важнейший город, любое движение там отдается по всей стране. Решение отправить инспектора для проверки было общим решением Его Величества и всех коллег. Как вы можете теперь валить всю вину на меня одного?

Он сделал паузу и добавил:

— К тому же, даже если мой инспектор оказался бесполезным ничтожеством, у меня встречный вопрос: раз шпионы господина герцога так сильны, почему же они не донесли о мятеже до того, как клан У выступил? По-моему, это восстание было тщательно спланировано в глубочайшей тайне, и предотвратить его человеческими силами было невозможно.

Герцог Сун в ярости вскинул брови:

— Ты смеешь так нагло оправдываться!

Гу Сьюань слегка кашлянул и, глядя на них, произнес абсолютно ровным голосом:

— Двое моих дорогих министров явились ко мне посреди ночи специально для того, чтобы устроить перебранку?

— Просим прощения за нашу бестактность, — тут же хором отозвались оба.

Гу Сьюань недовольно и холодно отрезал:

— Сейчас бессмысленно копаться в прошлом. Нужно думать о том, как покончить с этими бунтовщиками!

Герцог Сун тут же выступил вперед:

— Ваше Величество! Эти мятежники во главе с кланом У по сравнению с нашей великой империей Чжоу — лишь кучка ничтожеств. Старый слуга готов облачиться в доспехи, возглавить войско и принести вам голову главы клана У, чтобы искупить свою вину!

Вэй Чжэнпин немедленно возразил:

— Не согласен. Господин герцог уже в годах, говорят, у него и аппетита-то толком нет, как он может нести такое тяжкое бремя? Ваше Величество, я готов разделить ваши заботы!

Герцог Сун вскипел:

— Дерзость! Как ты смеешь так разговаривать со мной? Когда я вместе с покойным императором завоевывал этот мир...

— Довольно! — Гу Сьюань взмахом руки прервал его и громко объявил: — Не нужно спорить. Я уже принял решение. Я намерен возглавить поход лично!

Оба министра замерли в оцепенении.

«О чем он вообще? Маленький император совсем из ума выжил, делает что вздумается!»

— Ваше Величество, нельзя! На поле боя мечи и копья не знают пощады. Даже в народе говорят: «Драгоценное дитя не сидит под прохудившейся крышей». Ваша жизнь священна и в миллионы раз ценнее любого золота. Как вы можете подвергать себя опасности и лично отправляться на поле боя?

Гу Сьюань, сохраняя вид непоколебимой решимости, патетично воскликнул:

— Неужели мои министры не верят в мои способности? Эта империя Чжоу была завоевана моим отцом в седле. Если отец смог это сделать, почему не смогу я? Если я не верну эти пять городов из рук мятежников собственноручно, с каким лицом я предстану перед духом отца на небесах!

— ... — Вэй Чжэнпин.

Он очень хотел сказать: «Да какие у тебя, к черту, способности, в которые можно верить!»

«Ты всего лишь никчемный и безмозглый деспот, куда тебе до покойного императора? Если бы

не твоя глупость, я бы не помог тебе когда-то извести столько принцев, чтобы в итоге возвести это ничтожество на трон!»

Он поспешил продолжить:

— Ваше Величество, сейчас в мире царит покой, всё совсем не так, как во времена покойного императора. Вы — владыка мириадом подданных, вы само небо для народа. Вам надлежит твердо сидеть в столице и контролировать ситуацию отсюда.

Будь на этом месте прежний Гу Сьюань, он бы, скорее всего, поддался на эти уговоры. Но нынешний Гу Сьюань лишь покачал головой и твердо отрезал:

— Я решил — лично возглавлю поход, и споры здесь излишни! Сейчас вам надлежит немедленно вернуться, собрать воинов, подготовить провиант и завтра на рассвете выступить со мной на подмогу Хуанчжоу!

Видя, что император уперся как бык, Вэй Чжэнпин изменился в лице. Он прищурился и произнес ледяным тоном:

— Ваше Величество, будучи правителем страны, нельзя действовать столь своенравно. Неужели вы забыли...

В этот момент у дверей раздался звонкий и приятный голос, который бесцеремонно прервал его:

— Личный поход — это же чудесно! Я читала в книгах, что это выглядит чрезвычайно величественно. Ваше Величество, раз уж вы отправляетесь на войну, вы непременно должны взять меня с собой.

Присутствующие замолчали.

«М-да, ну и таланты собрались».

Вэй Чжэнпин поднял взгляд и увидел ту самую красавицу Се, которую Гу Сьюань недавно выбрал на отборе.

«Хех, мир действительно сошел с ума. Что это за существо, которое смеет вступать в мой разговор?»

Однако Гу Сьюань на троне выглядел крайне воодушевленным. Он протянул руку к Се Чэньюню и с энтузиазмом воскликнул:

— И впрямь, во всем мире лишь ты одна понимаешь меня, любимая наложница! Не волнуйся, завтра я обязательно возьму тебя с собой в Хуанчжоу, чтобы ты своими глазами увидела мою доблесть в битвах с врагами!

Се Чэньюнь подошел и сел рядом с Гу Сьюанем. Прикрыв рот ладонью, он с улыбкой произнес:

— Благодарю вас, Ваше Величество. Вы — самый выдающийся и героический мужчина в поднебесной, ваша слава гремит повсюду. Стоит этим грязным бунтовщикам лишь услышать ваше имя, как они тут же лишатся чувств от страха и обратятся в бегство.

Гу Сьюань кивнул и с полным одобрением ответил:

— Верно сказано. У тебя очень здравые суждения, дорогая.

Вэй Чжэнпин не выдержал вида этих двух идиотов и холодно прервал их:

— Ваше Величество, гарему не подобает вмешиваться в государственные дела.

Гу Сьюань прищурился, собираясь в духе прежнего императора разразиться бранью. Но Се Чэньюнь вдруг поднял голову и легкомысленно рассмеялся:

— Ох, простите мое невежество. Вмешательство гарема в дела страны... интересно, что из этого опаснее для государства: это или захват власти фракцией евнухов?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281661>